

Book Reviews

А.А. Андреев. *Пребываю верным слугою Вам моему Государю, князь Александр Черкасский.* СПб.: Наука, 2020. 239 с.

И скажу вам, досточтимый государь мой, – продолжал, оживляясь более и более, Касаткин: – Его Величество [Петр Алексеевич] ни на день не спускает мысли с Ориента, с восточных рубежей отечества; ... Там за Хивой, у ворот Индии, ... царство древняго Могола; там лежит богатый золотом и всякими дивами город Иркен; и к тому городу ведет эта самая, великая как Миссисипи, сказочная река Окс, или Аму, по коей в древности к нашим ... Каспийским берегам двигались караваны предивных сокровищ. – И мы двинемся туда! – проговорил Юрлов: – штыками, пулями возвратим реку Аму из Аральского в Каспийское море, на века прославим наш отряд.¹

Во вступительной статье к рецензируемой книге А.А. Андреева российский исследователь Е.А. Резван отмечает, что жизнь и деятельность князя Александра Бековича-Черкасского (?-1717) столь примечательны, что если бы последнему довелось быть коим образом причастным к англосаксонской традиции, то его биография, очевидно, выступила бы объектом многочисленных публикаций и экранизаций. Сложно не согласиться с этим замечанием прославленного специалиста. Действительно, в истории северно-евразийского региона XVIII в., пожалуй, не так много событий, имевших столь широкий резонанс и оставивших столь заметный отпечаток на динамике последующих процессов, как российская экспедиция в Хиву в 1717 г. под руководством Александра Бековича-Черкасского или, вернее, Александра Черкасского, как по мнению автора книги, правильнее именовать этого исторического героя (с. 21-22). В 1714 г. молодому князю черкесского происхождения, сделавшему блестящую карьеру в России и завоевавшему личное расположение Петра I (1682-1725), было поручено весьма амбициозное предприятие: провести масштабное исследование восточного побережья Каспийского моря, заложить, по возможности, ряд крепостей на побережье и, после чего, предпринять экспедицию, «под видом посольства» в Хивинское ханство, с целью «склонить» местного хана к «верности и подданству», а также «к Моголу Индейскому» отправить посольство. Сама экспедиция, предпринятая в 1717 г., как известно, завершилась крайне трагично как для ее руководителя, так и для участников, большей частью казненных, либо обращенных в рабство. Именно беспрецедентный масштаб экспедиции (с точки зрения прежней динамики взаимоотношений России с регионом), амбициозность ее задач и, самое главное, трагическая участь участников, превратили это предприятие в одно из резонансных событий указанного периода, оставившее заметный отпечаток на динамике последующих событий.

В исследовательской практике принято использовать определенные эвфемизмы для периодизации отдельных исторических этапов, в целях

1 Данилевский Г.П. На Индию при Петре. СПб, 1885. С. 102–103. Представленный здесь фрагмент диалога между участниками экспедиции 1717 г. в Хиву, состоявшийся в Астрахани непосредственно перед началом похода, является художественным вымыслом.

рассмотрения их в более долгосрочной перспективе. Применительно к истории центрально-азиатского региона Нового времени можно встретить такие определения как, например, «пост-Чингизидская» или «пост-Надиридская» эпоха (в последнем случае подразумевается период, следовавший завоеванию региона персидским правителем Надир-шахом Афшаром в 1740-41 гг.). Следуя подобным аналогиям, пожалуй, было бы уместным говорить о «долгом *пост-Черкасском веке*» российско-среднеазиатских отношений. Действительно, едва ли какое событие оставило столь заметный отпечаток на характер российско-хивинских и, в целом, российско-центральноазиатских отношений, как в кратко-, так и в долгосрочной перспективах. Память о трагической судьбе экспедиции, похоже, оставалась весьма чувствительной в общественном мнении России,² тогда как нарратив о врожденном «коварстве», «дерзости» и «деспотичности» режимов центрально-азиатского региона прочно кристаллизировался в публичном дискурсе и, судя по всему, активно эксплуатировался в политическом пространстве, оказывая заметное влияние на характер принимаемых решений.³ Так, например, Оренбургский генерал-губернатор, генерал В.А. Перовский в преддверии военного похода на Хиву 1839 г., на официальном уровне предпочитал рассуждать «о преступном поведении целых поколений хивинских ханов против Императоров России» и о символическом «завещании» Петра I, взывавшем «о мщении за кровь в Хиве пролитую»⁴ Набор подобных штампов и идеологием находил широкое применение как и в газетных публикациях, так и в научных работах, особенно накануне и после завоевания Хивинского ханства в 1873 г. В этом отношении достаточно симптоматичным можно считать заключение одного из участников похода 1873 г., о том, что покорение Хивы было ничем иным, как исполнением «давнишнего желания» российских властей, а именно то, «что не удалось выполнить Петру I, было вполне достигнуто Александром II».⁵

Примечательно, однако, что судьба экспедиции князя Черкасского отложила отпечаток не только на содержание риторики и характер принимаемых российскими властями решений в отношении Хивы, но и наоборот. Возможно, что именно ожиданием вероятного отмщения за судьбу экспедиции, можно, в известной степени, объяснять проявления излишней нервозности и

2 По мнению французского исследователя Катрин Поужоль, судьба экспедиции А. Черкасского оказала «травмирующий» эффект на российские элиты и значительно усилила чувство «недоступности» мусульманских оазисов Центральной Азии: см. Catherine Poujol, "Les Voyageurs Russes et l'Asie Centrale: Naissance et Declin de Deux Mythes, les Réserves d'Or et la Voie Vers l'Inde," *Central Asian Survey* 4:3 (1985), pp. 59-73.

3 Так, уже в середине XVIII в. Герхард Фридрих Миллер, «официальный историограф Российского государства», применительно к тем событиям склонен был писать о «вероломстве» и «лукавстве хивинского Хана», а о самом ханстве не иначе, как о «таком разбойническом гнезде», см.: Миллер Г.Ф. Известия о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. Москва: Восточная литература РАН, 2005. С. 478-479.

4 Всеподданнейший доклад ген.-адъют. Перовского, относительно военного поиска на Хиву // Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. I. 1839 г. / Составил А.Г. Серебренников. Ташкент: Типография шт. Туркестанского воен. округа, 1908. С. 27-28.

5 Саранчов Е. Хивинская экспедиция. Записки очевидца сапера Е. Саранчова. СПб: Типография Ф. Сушинского, 1874. С. 5.

подозрительности со стороны хивинских кругов по отношению к российским послам и даже, временами, обычным купцам. Так, в декабре 1762 г. Оренбургская администрация доносила в Коллегию иностранных дел, что «Хивинцы к Российской стороне подозрение имеют, с тех пор как в 1716 г. отправлены были туда от ... Петра Великого гвардии капитан Князь Бекович-Черкасский с немалой командою под образом посольства».⁶ Все это, однако, не означает, что динамика отношений была однозначно негативной; интенсивность российско-хивинских дипломатических контактов в отдельные периоды продолжала оставаться достаточно высокой, в то время как торговые сношения поддерживались даже в периоды особого напряжения отношений.

Именно обстоятельствам того масштабного предприятия 1714-1717 гг. под руководством князя А. Черкасского, посвящена недавно изданная книга российского исследователя А.А. Андреева. Несмотря на, казалось бы, обилие литературы по вопросу экспедиции князя Черкасского, можно констатировать, что исследователи в большей своей части опираются на уже определенный набор источников и информации о биографии Черкасского, о деталях экспедиции и мотивациях действующих лиц. Возможно поэтому эту тему, зачастую было принято относить к разряду проблематик с отсутствующими «белыми пятнами». Автору рецензируемой работы А.А. Андрееву не только удалось бросить вызов этому доминирующему предубеждению, но, забегаая вперед, в значительной степени расширить представления как о ранней биографии князя Черкасского, так и обстоятельствах памятной экспедиции в Хиву.

Работа, являющая собой плод многолетних изысканий автора, представляет перед читателем развернутую картину предтечи, обстоятельств и последствий экспедиции 1714-1717 гг. Автор в деталях освящает этапы ранней биографии князя Черкасского, внося большую ясность в вопросы, связанные с его происхождением, обстоятельствами переезда в Москву и поступлением на службу к российскому государю, принятием православия, воспитанием в доме «дядьки» Петра, влиятельного сановника раннепетровского времени – князя Б.А. Голицына. Отдельное внимание уделено миссии князя Черкасского на Северном Кавказе (1711-1712), продемонстрировавшей его незаурядные дипломатические и организаторские способности и, очевидно, по достоинству оценённые Петром I. Подобный акцент на сюжетах «ранней» биографии князя Черкасского не только проливает свет на личность князя во всей его сложности и противоречивости, но позволяет, в известной степени, разобраться в возможных мотивах выбора Петром I князя Черкасского в качестве главного исполнителя миссии на восточном побережье Каспийского моря и в Хорезмском оазисе.

В ходе ознакомления с работой Андреева, как оказалось, читателю все же сложно избежать некоторых, пусть и весьма отдаленных, аналогий с англосаксонской литературной традицией, в частности, с работами британского автора Ричарда Холмса, известного биографа видных представителей

6 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 125. Оп. 125/1. Д. 3 (1762). Л. 2–3; Несколькими годами ранее, группа российских купцов, посетивших Хиву, объясняла излишнюю подозрительность местных властей тем, что, «Хивинцы во всякой ежечасной от Российской стороны опасности состоят, ... опасаясь отмщения за преданного смерти ими, Хивинцами, Князя Александра Бекича (sic) с командою», см. АВПРИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2 (1714–1775). Л. 387 об.–388.

британского романтизма. Особый интерес в этом отношении представляет работа Холмса, посвященная биографии Роберта Льюиса Стивенсона, хорошо знакомого русскоязычному читателю автора «Острова сокровищ». В 1878 г. Стивенсон предпримет одиночное пешее 200-км путешествие через горный массив Севенны в юго-центральной Франции, подробности которого запечатлеет на страницах своего романа «Путешествие с ослом». Век спустя его биограф Ричард Холмс, в стремлении воспроизвести эмоциональный фон того предприятия, предпримет аналогичное путешествие, следуя в деталях маршруту своего героя. «Каким-то образом нужно было произвести живой эффект, оставаясь верным мертвому факту», – объясняет свой порыв Холмс. Результатом такого необычного интеллектуального упражнения станет очаровательный труд, – удивительное сочетание фактов и литературной фикции в жанровом отношении – представляющий вниманию читателей очень яркий и насыщенный портрет Роберта Льюиса Стивенсона. Схожий порыв можно наблюдать и в представленной работе А. Андреева. Может показаться, что попытка пройти по следам своего героя спустя три столетия – не самое благодарное занятие, учитывая, что существовавшему изменению подверглась и ландшафтная, и социальная, и этническая география тех мест, по коим пролегал маршрут князя Александра Черкасского. Тем не менее Андрееву действительно удается (пре) следовать и «настигать» своего героя в самых различных уголках: в подмосковном селении, в котором Черкасским была заложена церковь, вдоль большей части восточного побережья Каспийского моря, на старинной караванной дороге – Караумбет, соединявшей Хивинский оазис с безжизненными пространствами плато Уст-Юрт и, даже, в тесных кельях медресе Ширгази-хана в Хиве. Именно там «в поле» автору суждено натолкнуться на ранее неизвестные объекты локальной топонимики, запечатлевшей в той или иной степени память об экспедиции Черкасского, но также встречаться с интересными людьми (как, например, с семьей Рахимбиби Бегджановой из Мангышлака, считающейся потомками Ходжа Нефеса), общение с которыми позволяет сформировать новые сюжетные линии исследования. Самое примечательное, однако, это тот романтический порыв, который ощущается на всем протяжении книги, и который делает исследование А.А. Андреева схожим с работой его британского предшественника. Как и Ричард Холмс, которого по прибытию в очередную деревушку, накрывает ощущение очень близкой и неминуемой встречи со своим протагонистом Робертом Стивенсоном⁷, точно также и Артем Андреев говорит о состоявшейся «встрече» с его героем, князем А. Черкасским.

В результате такого, отнюдь не конвенционального, подхода мы получаем не только выпуклый и текстурированный портрет князя Александра Черкасского. Автору успешно удается поместить его в более широкие и динамичные процессы, разворачивающиеся на обширном пространстве региона Северной Евразии: от походных ставок Петра I и вновь формирующихся имперских центров в Москве и Петербурге, до отдаленных и труднодоступных степей Мангышлака и Устюрта, побережий Арала и Каспия, низовьев Амударьи, и солончаков «древнего» Хорезма. Такой подход позволяет автору внести ясность в ряд вопросов, связанных

7 Richard Holmes, *Footsteps: Adventures of a Romantic Biographer* (London: Hodder and Stoughton, 1985), p. 25.

с мотивом действий князя Черкасского в тех или иных обстоятельствах, то есть вопросов, для разрешения которых традиционный инструментарий не всегда может быть эффективным. Подобный «романтический» подход, отнюдь не часто можно встретить в исследовательской практике, не говоря уже об исследованиях, посвященных истории центрально-азиатского региона.⁸

Однако, не только и не столько едино своим романтическим посылом примечательна книга А.А. Андреева. Ибо опираться исключительно на подобный подход, означало бы оставлять определенный простор для фантазии и вымысла, тогда как исследование Андреева, несмотря на довольно лирическое название, можно смело считать качественным академическим продуктом, в строгом смысле этого определения. Автору удалось привлечь обширный источниковый материал, представленный практически всеми известными архивами: от автографов-инструкций Петра Великого до «чертежей» восточного побережья Каспия, выполненных при участии князя Черкасского; от результатов гидрографических изучений старого русла Амударьи до хроник хивинских придворных историков. Этот разнохарактерный материал, вкуче с детализированным анализом предшествующей историографии, позволяет внести ясность в широкий ряд вопросов, связанных с биографией и походом А. Черкасского, по которому прежние поколения историков зачастую не могли достичь консенсуса. В частности, автору удается внести ясность в вопрос о так называемом прошении о подданстве, поданном от имени хивинского хана Шах Нийаза Петру I в 1700-03 гг. (с. 87-94), конкретизировать локализацию крепости, возведенной Черкасским на Мангышлаке (с. 137-139), уточнить количественный состав экспедиции 1717 г., детализировать маршрут следования и др. Вопреки преобладающему в историографии убеждению о том, что князем Черкасским было возведено три крепости на восточном побережье Каспия, автор приводит убедительные свидетельства о возведении только двух укреплений. Наряду с этим, автору удается восстановить точный маршрут, по которому следовала экспедиция в 1717 г.; начиная от пограничного Гурьева городка вплоть до селения Порсу в Хивинском ханстве, где собственно и произошла драматическая развязка всей кампании. Исследование Андреева также освещает участие «промежуточных» акторов, таких как представители туркменской или калмыкской знати, хивинских посланников, сибирского губернатора Гагарина, как в задумке этого мероприятия, так и в его реализации.

При всех очевидных достоинствах, однако, работа не лишена некоторых фактологических погрешностей, которые очевидно не так просто было избежать, принимая во внимание широкое разнообразие привлеченного исторического материала. Так, например, обращаясь к освещению вопроса о мнимом прошении о приеме в российское подданство, поданном от имени Хивинского Шах Нийаза-хана Петру I его послом Достак Бохадуром в 1700-1703 гг., А.А. Андреев отмечает о том, что посланник хивинского хана, в свою бытность в Москве, остановился в доме главы приказа Казанского дворца Князя Б.А. Голицына (с. 86), одного из видных государственных деятелей, отвечавшего в тот промежуток времени

8 К числу редких исключений можно отнести работы британского исследователя Александра Моррисона, в частности посвященные истории российских присырдарьинских крепостей XIX в.

собственно за взаимоотношения с центрально-азиатскими ханствами. Между тем, статейный список посольства Достак Бахадур, равно как и другие источники, отнюдь не подтверждают данное утверждение. Известно, что по прибытию в Москву в январе 1700 г., Достак был «поставлен на двор истопника Ивана Спиридонова» в Китай-городе, по причине того, что на Большом посольском дворе, где обычно останавливались послы, в тот момент не имелось свободных палат.⁹ Уже в марте того же года, хивинский посланник все же был переселен на Большой посольский двор, где, очевидно и проживал вплоть до завершения своей миссии в Москве.¹⁰ Проживание Достака в имении Б.А. Голицына едва ли было уместным, ибо противоречило бы всем правилам дипломатического протокола, не говоря уже о том обстоятельстве, что хивинский посланник прибыл в Москву в сопровождении 50 человек свиты, которых едва ли было бы возможным разместить в имении российского министра.¹¹

К другим замечаниям подобного рода, можно отнести утверждение автора о том, что каракалпакский правитель Ишим Мухаммад «до 1722 г. считался врагом России» (с. 155), при этом, судя по ссылке, основанием для подобного, довольно смелого и далеко идущего, заключения послужило письмо Ишим Мухаммада российским властям от 1722 г. с предложенными статьями о мире и установлении посольского обмена. Между тем, наличие подобного письма едва ли может служить достаточным основанием, чтобы однозначно утверждать о враждебном или каком-либо вообще отношении Ишим Мухаммада к российским властям.

Также не вполне убедительными представляются попытки связать основание пристани на Мангышлаке с деятельностью компании Воронцова (с. 138-9). Как известно, так называемая «Компания коммерцующая в Бухару и Хиву», основанная в собственности генерал-аншефа, графа Р.И. Воронцова, просуществовала не более трех лет (1759-1762), во время которых, как можно судить из доступных источников, никаких инфраструктурных проектов на восточном побережье Каспия не предпринимала, а лишь монополизировала право эксклюзивной эксплуатации давно действующей пристани на Мангышлаке, равно как и перевоза товаров и людей с указанной пристани к Астрахани и в обратном направлении. Чем, все же, действительно успела (печально) прославиться Компания, так это многочисленными жалобами в ее адрес как от астраханских предпринимателей, так и от бухарских и хивинских купцов, в связи с заметным увеличением стоимости перевозок, а также не исполнением ею взятых обязательств по перевозу.¹²

9 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. 1699 г. Л. 55.

10 Там же; по схожему сценарию решился вопрос и в последующий приезд Достака в Москву в 1703 г.: первоначально он был поставлен на частном дворе «за Никитскими воротами», а спустя месяц переселен на тот же самый Большой посольский двор, см. РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1616 г. Д. 4. Л. 75-76 об.

11 При этом, именно в вотчине князя Голицына в селе Дубровицы состоялась официальная встреча Достака с российским сановником, а также его отпускная аудиенция.

12 Подробнее о конфликтах, связанных с деятельностью компании Воронцова на восточном побережье Каспийского моря, см. Ulfat Abdurasulov and Paolo Sartori, "At the Coronation! A Khivan Ambassador Makes It to Moscow," *Journal of Central Asian History* 1 (2022), pp. 158-223.

При всем этом, подобные недочеты едва ли нарушают концептуальную целостность исследования А.А. Андреева. Возможно впервые нашему вниманию представлена комплексная картина масштабного предприятия под руководством князя А. Черкасского, где события рассмотрены не изолировано, но в тесной взаимосвязи с более широким (меж)региональными процессами: в ракурсе русско-шведско-османских интересов на Северном Кавказе, динамики русско-центральноазиатских отношений, Петровских «прожектов» о поиске путей в Индию, и географических описаний Каспийского моря и др. Таким образом, нашему вниманию представлено достаточно целостное и насыщенное описание не только отдельного человека и даже не отдельного события, которое принято олицетворять с этим человеком, но очень важного исторического отрезка в истории всего северно-евразийского региона. Как следствие, на выходе мы получили работу легкую и увлекательную в прочтении и, одновременно, насыщенную обилием фактического материала, научного анализа, и смелых интерпретаций.

УЛЬФАТ АБДУРАСУЛОВ
ПАОЛО САРТОРИ